

Клошет / новелла

Category: Некаýалар, Кітарсу

написано кітарсу | 24 января, 2025

Клошет / новелла КЛОШЕТ

Удивительная вещь – воспоминания о давнем прошлом! Они неотступно преследуют нас, и мы не в силах от них избавиться.

Вот одно из них, такое далекое-далекое, что даже непонятно, как оно могло сохраниться в моей памяти со всей своей яркостью и силой. Я перевидал с тех пор столько мрачного, волнующего, ужасного, и все же, к моему удивлению, дня не проходит, ни одного дня, чтобы тетушка Клошет не возникала перед моим внутренним взором такой, какой я знал ее когда-то, в давние годы, когда мне было лет десять – двенадцать.

Это была старуха-швея, приходившая к нам по вторникам чинить белье. Мои родители жили в одном из тех сельских домов, которые пышности ради именуются «замком», хотя на самом деле это – просто старинное здание с островерхой крышей и четыремя – пятью прилегающими к нему фермами.

Метрах в ста с лишним от усадьбы деревня, большое село, целый городок лепился вокруг церкви из красного кирпича, потемневшего от времени.

Итак, тетушка Клошет являлась каждый вторник между шестью и половиной седьмого утра, прямо поднималась в бельевую и садилась за работу.

Это была женщина высокого роста, сухопарая, бородатая или, вернее, волосатая – борода, удивительная, неправдоподобная борода росла у нее по всему лицу диковинными кустиками, курчавыми клочьями, словно какой-то сумасшедший разбросал их по обширной физиономии этого солдата в юбке. Волосы росли у нее на носу, под носом, вокруг носа, на щеках, на подбородке, а брови, сказочно густые и длинные, совершенно седые, косматые и взъерошенные, очень были похожи на усы, попавшие сюда по ошибке.

Она прихрамывала, но не так, как обычно хромают калеки, – она ныряла, словно судно на якоре. Когда она ступила на здоровую

ногу, ее костлявая кособокая фигура выростала, будто с разбегу поднималась на гребень гигантской волны, а при следующем шаге она точно падала в пропасть, уходила в землю; походка ее вызывала представление о шторме – так сильно раскачивалась старушка на ходу; а ее голова, в неизменном огромном белом чепце, ленты которого развевались у нее за спиной, казалась парусом, пересекающим горизонт то с севера на юг, то с юга на север.

Я обожал тетушку Клошет. Едва проснувшись, я спешил в бельевую, где она уже сидела за шитьем, поставив ноги на грелку. Как только я прибежал, она меня усаживала на эту грелку, чтобы я не простудился в огромной холодной комнате под самой крышей.

– Это тебе кровь оттянет от горла, – уверяла она.

Она принималась рассказывать мне всевозможные истории, усердно штопая белье крючковатыми проворными пальцами; ее глаза за толстыми стеклами очков – от старости зрение у нее ослабело – казались мне огромными, странно глубокими, двойными.

Судя по ее рассказам, которые так трогали мою детскую душу, у нее было щедрое, великодушное сердце, как у многих обойденных судьбою женщин. Смотрела она на жизнь широко и просто. Она рассказывала мне о событиях в селе, о корове, убежавшей из хлева и в одно прекрасное утро оказавшейся перед мельницей Проспера Мале, – скотина глубокомысленно смотрела на вертевшие деревянные крылья; рассказывала о курином яйце, найденном на колокольне, причем так и осталось загадкой, как могла курица снести его там, и еще о собаке Жан-Жана Пиласа, которая помчалась за десять лье от деревни, чтобы принести обратно штаны своего хозяина, украденные прохожим, когда они сушились перед домом после дождя. Она так умела живописать все эти простые приключения, что они разрастались для меня в незабываемые драмы, в величественные и таинственные поэмы, и хитроумные вымыслы писателей, которыми по вечерам меня развлекала мать, были лишены той сочности, широты и мощи, какими дышали повествования крестьянки.

Как-то во вторник я все утро слушал рассказы тетушки Клошет, затем ходил с нашим слугой за орехами в рощу Алле, позади

фермы Нуарпре, и, вернувшись решил еще раз сбегать наверх. Все происшедшее я помню так отчетливо, словно это случилось только вчера.

Я распахнул дверь бельевой и увидел, что старуха-швея лежит ничком подле стула, раскинув руки и все еще держа в одной иголку с ниткой, в другой – мою рубашку. Одна нога в синем чулке, наверно, здоровая, была вытянута под стулом; очки отлетели к стене и поблескивали там.

Я бросился вон, громко крича. Все сбежались, и через несколько минут я узнал, что тетушка Клошет умерла.

Нет слов передать глубокое, страшное, беспросветное отчаяние, охватившее мое детское сердце. Я еле-еле спустился по лестнице в гостиную, где в темном уголке стояло огромное старинное кресло, взобрался на него и, встав на колени, заплакал. Вероятно, я пробыл там долго, так как стало уже темнеть.

Вдруг в комнату вошли и внесли лампу, но меня не заметили, и я услышал разговор моих родителей с врачом, которого я узнал по голосу.

За ним послали сейчас же, и он объяснял, какие причины вызвали смерть швеи. Впрочем, я ничего не понял. Затем он уселся, согласившись выпить рюмку ликера с печеньем.

Он продолжал говорить, и то, что он рассказал, глубоко врезалось мне в душу и останется в ней до самой моей смерти. Мне кажется, я могу повторить его рассказ почти слово в слово.

– Ах, – говорил он, – бедняжка! Она ведь была здесь моей первой пациенткой! Она сломала себе ногу как раз в день моего приезда; я только что вылез из дилижанса и даже рук не успел вымыть, как за мной прибежали: перелом ноги, и опасный, очень опасный!

Ей было семнадцать лет, и она была очень, очень хороша, прямо красавица! Сейчас даже трудно поверить! Что же касается ее истории, то я никогда ничего не рассказывал, и никто ее не знает, кроме меня да еще одного человека, но он уже давно покинул наши места. Теперь, когда она умерла, я могу открыть ее тайну.

В ту пору сюда приехал помощником учителя некий молодой человек, красивый, статный, с военной выправкой. Все девушки

были от него без ума, а он корчил из себя неприступного, главным образом, верно, оттого, что сильно побаивался школьного учителя, дядюшки Грабю. который чаще всего вставал с левой ноги.

Дядюшка Грабю уже тогда приглашал к себе шить красавицу Гортензию, которая только что скончалась у вас, – ее впоследствии прозвали Клошет [1]. Помощник учителя обратил свое благосклонное внимание на прелестную девушку, а она, несомненно, была польщена тем, что такой непобедимый сердцеед избрал именно ее; словом, она полюбила его, и он добился первого свидания на школьном чердаке, по окончании ее работы, в сумерки.

Она сделала вид, будто отправляется домой, а сама, вместо того, чтобы спуститься по лестнице, поднялась на чердак и спряталась в сене, ожидая своего возлюбленного. Тот вскоре пришел, но только он принялся изливать в своих чувствах, как вдруг дверь чердака отворилась, на пороге появился школьный учитель и спросил: «Что это вы тут делаете, Сижисбер?»

Видя, что он попался, молодой учитель, совершенно растерявшись, ответил наобум: «Я хотел немножко отдохнуть на сене, господин Грабю».

Сеновал был очень большой, очень просторный и совершенно темный; Сижисбер, толкая вглубь испуганную девушку, шептал: «Туда, туда идите, спрячьтесь... Меня со службы прогонят! Спрячьтесь же!»

Школьный учитель, услышав перешептывание, продолжал: «Значит, вы здесь не один?» «Нет, один, господин Грабю!» «Нет, не один, вы с кем-то разговариваете!» «Честное слово, я один, господин Грабю». «Вот сейчас узнаем», – возразил старик: он запер дверь на ключ и пошел вниз за свечой.

Тогда молодой человек – трус какие нередко встречаются, – потерял голову и, внезапно разъярившись, зашипел: «Ну, спрячьтесь же, чтобы вас не было тут! Я из-за вас на всю жизнь куска хлеба лишусь! Вы погубите мою карьеру... Да спрячьтесь же!»

А ключ уже скрипел в замке.

Тогда Гортензия подбежала к выходящему на улицу слуховому

окну, быстро распахнула его и сказала тихо и твердо: «Спуститесь и подберите меня, когда он уйдет».

И она спрыгнула вниз.

Дядюшка Грабю никого не нашел и, чрезвычайно озадаченный, удалился.

Спустя четверть часа ко мне явился Сижисбер и все рассказал. Девушка так и лежала у стены, она не могла встать: ведь упала-то она с чердака! Я отправился вместе с ним.

Шел проливной дождь; я перенес к себе несчастную девушку; у нее на правой ноге было три перелома, осколки костей прорвали кожу. Она не жаловалась, а только с удивительным смирением повторяла; «И поделом, и поделом мне!»

Я вызвал людей на помощь, вызвал ее родителей, сочинил историю насчет экипажа, который якобы екал мимо, лошади понесли, сбили ее с ног и искалечили перед моим домом.

Мне поверили, и жандармы целый месяц безуспешно разыскивали виновника несчастного случая.

Вот и все. И я утверждаю, что эта женщина – героиня, из породы тех, которые совершают высокие исторические подвиги.

Это была ее единственная любовь. Она скончалась девственницей. Это мученица, благороднейшее создание, жертва самоотверженной преданности. Я беспредельно восхищаюсь ею, иначе бы я не поделился с вами этим воспоминанием, о котором никогда при ее жизни не рассказывал – вы сами понимаете почему.

Врач умолк. Мама плакала. Отец произнес несколько слов, которых я не разобрал; затем все ушли.

Я все стоял на коленях в уголке кресла и всхлипывал, а до слуха моего доносился необычный звук тяжелых шагов по лестнице и какие-то глухие толчки.

Это выносили тело тетушки Клошет.

* * *

[1] Слово «Clochette» значит «хромоножка».

Новелла напечатана в «Жиль Блас» 21 декабря 1886 года.

Ги де Мопассан. Собрание сочинений в 10 тт. Том 6. МП

«Аурика», 1994

Перевод Н. Коган Некаўаlar